

廡 — «хижина», состоящий из 广 — «навес» и 堇 — «глина»;
 室 — «комната, дом, жилище», состоящий из 至 — «доходить»
 и 宀 — «кровля»;

厓 — «комната», состоящий из 厃 — «утес, навес, горы» и 堇 — «глина» («т. е. древние китайцы находили себе защиту от солнечных лучей и под искусственными навесами, и под навесами скал»¹⁹) и т. д.

В целом на 167 страницах своего труда С. М. Георгиевский охватывает значительное количество знаков, каждый из которых получает ту или иную интерпретацию в рамках предлагаемого ученым метода. Несмотря на то, что более поздние исследования по этимологии китайских письменных знаков оспаривают многие выводы исследователя, это не умаляет значимости проделанного им труда и его вклада в развитие грамматики китайской письменности. Более того, историческая грамматика С. М. Георгиевского может и сегодня иметь практическое применение в преподавании китайского языка как способ изучения иероглифов через установление их первоначального значения, что, безусловно, является одной из самых эффективных методик запоминания китайских письменных знаков.

Э. А. Замов

*Институт социальных и политических наук
 Уральского федерального университета*

О политическом учении Мэн-Цзы

В XX век мир вошел, переживая триумф западной цивилизации. Французский искусствовед Д. Азио объясняет это так: «Все предшествовавшие ей цивилизации были построены вокруг комплекса коллективно усвоенных идей и религиозных верований, что делало их смертными, так как рано или поздно в эти идеи переставали верить, а ослабление веры приводило к упадку, а затем и к смерти общества.

¹⁹ Там же.

Ошибка умерших цивилизаций была в том, что они верили, будто единица есть группа»¹. По Д. Азио, единицей общества, возникшего в Европе после Возрождения, является индивид, а не группа, и «отныне общество не имеет собственных идей, которые бы оно навязывало силой, у него есть только идеи своих передовых членов»². Эта новая цивилизация бессмертна: «Там, где другие угасали, она переживает кризисы роста, после которых становится сильнее»³. Д. Азио аргументирует свою точку зрения тем, что попытки создания коллективистских обществ в Европе провалились («народное государство» Гитлера, корпоративное государство Муссолини, безгосударственное коммунистическое общество марксистов).

Точка зрения Д. Азио, к сожалению, основана лишь на европейском опыте, который в наше время переживает период небывалого обогащения. Н. И. Конрад резонно отмечал, что отношения Запада и Востока носят маятникообразный характер. Римская империя начала натиск Запада на Восток, после начала проповеди Мухаммеда начался натиск Востока на Запад, с 1683 г., после победы под Веной, Запад берет долгосрочный реванш. Но уже после Второй мировой войны восточные коллективистские общества начинают отыгрывать ситуацию. Война в Корее закончилась ничьей, война во Вьетнаме — поражением Запада. Д. Азио совершенно напрасно отождествил крах государств и династий с крахом коллективистских корпоративных структур. Несмотря на установление демократической парламентской республики, сохранились кастовые структуры в Индии. В 1979 г. рухнула вестернизированная монархия в Иране. Среди стран Юго-Восточной Азии на лидирующие позиции выдвинулся Сингапур — страна с фактически однопартийной системой, жесткой цензурой средств массовой информации, где в каждом доме имеется организация правящей партии, следящая за настроениями граждан. Сингапур не сохранил конфуцианскую политическую культуру, и правящая там Партия народного действия организована скорее в соответствии с работой В. И. Ленина «Что делать?». Коллективистские корпоративные структуры Востока доказали свою устойчивость,

¹ Азио Д. Ван Гог. М., 2014. С. 156.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 157.

и в их противоборстве с индивидуалистическим Западом наметилась положительная динамика. Китаизация итальянского города Прато — всего лишь верхушка айсберга. Нынешний натиск Востока на Запад является следствием не столько злонамеренных действий Востока, сколько самоубийственных действий Запада. Уничтожение Западом социалистических офицерских режимов в арабских странах означает уничтожение последней буферной зоны между Западом и Востоком. Наконец, Россия, страна, воспринявшая восточную политическую культуру, начала осторожную борьбу за пересмотр своих западных границ. Натиск Востока коснулся даже США, где белое население покидает центральные кварталы крупнейших городов, причем вакуум восполняется негритянским (частично исламизированным) населением. В условиях реванша восточных коллективистских корпоративных структур неизбежен интерес к политическим учениям Востока, утверждающим коллективизм. Среди подобных учений выделяется учение Мэн-Цзы. Он являлся последователем конфуцианства, но традиционно находился в тени учителя Куна. Тем не менее, Мэн-Цзы с его апологией группового начала (как основной объект идентификации индивида им понимается семья) является наиболее крупным выразителем восточной корпоративной идеи.

Взгляды Мэн-Цзы глубоко противоречивы. В его афоризмах слышатся отголоски воззрений различных социальных слоев, что не позволяет говорить о том, что вообще существует некое целостное учение Мэн-Цзы. Его взгляды аморфны и содержат диаметрально противоположные утверждения. Общество, которое он проектирует, имеет идеалом всеобщее неравенство, где никто не равен никому. Например, он утверждает:

Хранить постоянство в сердце при отсутствии постоянного имущества могут одни только служилые люди — ши. Если же говорить о народе, то отсутствие постоянного имущества служит причиной отсутствия у него постоянства в сердце. А если нет такого постоянного, то будет совершаться все: и разнузданность, и распушенность, и извращенность, и расточительность⁴.

---

⁴ Мэн-Цзы. М., 1999. С. 26.

Эти рассуждения сродни взглядам Аристотеля, который был убежден в том, что есть прирожденные свободные и прирожденные рабы, и гениальной утопии Платона, развитой им в диалоге «Государство» (этим государством руководят прирожденные философы, защищаемые прирожденными воинами). В то же время Мэн-Цзы говорил сам о себе: «Чем же я отличаюсь от всех? Ведь даже прославленные государи Яо и Шунь тоже были сходны с людьми во всем»⁵. Идеалы гуманизма были смешаны во взглядах Мэн-Цзы с последовательным консерватизмом.

Мэн-Цзы отмечает: «...таких людей, которые, будучи справедливыми, ставили бы позади себя своих господ, не бывает»⁶. Идеал Мэн-Цзы — иерархическое общество. Такое общество неизбежно возникает всегда, когда оно поставлено на грань выживания. Демократизм — удел обществ, способных взять на содержание собственные отбросы. Мэн-Цзы требует от правителя:

...Проводите нелюбимую в правлении, смягчите наказания, уменьшите налоги и пошлины, введите глубокую вспашку и облегчите труд полоть сорняки, тогда те, кто в зрелом возрасте, в свободное от работы время будут совершенствоваться в воспитании сыновнего почтения и братской любви...⁷

После этого «вы сможете послать их пусть даже с дубинами в руках, и они разобьют ими прочные латы и острое оружие ваших врагов...»⁸. Примечательно, что ниже Мэн-Цзы настаивает на смертной казни для всех сторонников войны и военных теоретиков. Мэн-Цзы симпатизирует простому народу и правителю-централизатору и в целом выражает идеал централизирующегося феодального общества. Своими врагами Мэн-Цзы считает удельных князей и торговцев, которых он считает достойными смертной казни. Его гуманизм носит вполне утилитарный характер и подчинен интересам государства.

В вопросах государственного управления Мэн-Цзы был рационалистом:

⁵ Мэн-Цзы. Указ. соч. С. 217.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же.

Если окружающие вас скажут про кого-либо, что он мудрый, еще нельзя согласиться с ним. Когда все сановники-дафу скажут, что он мудрый, еще нельзя согласиться с ними. А когда все государственные мужи скажут «мудрый», вот тогда уж проверьте его. Убедившись в том, что он мудрый, после этого используйте его на службе⁹.

Нелицеприятность трактуется Мэн-Цзы как склонность правителя видеть вещи как они есть. В то же время Мэн-Цзы считает обязательной стороной нелицеприятности верность интересам своей семьи, которая должна стоять над справедливостью:

Человек с чувством нелицеприятности к людям относится к своему младшему брату откровенно: он не скрывает своего гнева и не утаивает обиды к нему, любит его по-родственному, вот и все. Питая к нему родственные чувства, он желает, чтобы тот сделался знатным; любя его, желает, чтобы тот стал богатым¹⁰.

Трагический разрыв восточной мысли — это конфликт традиции и эффективности, причем первая побеждает.

Мэн-Цзы советует идеальному правителю:

Будешь чересчур сильно мучить свой народ, тогда тебя убьют твои же придворные и владение твое погибнет, а не очень сильно — тогда будешь жить под постоянной угрозой покушения на твою жизнь, владение же твое будут урезать соседи¹¹.

В данном случае он скорее отстаивает интересы крестьянства. Но одновременно Мэн-Цзы утверждает: «Будешь убивать свой народ, прибегнув к пути, ведущему его к жизни, — он не взропщет на убивающего, хоть и будет умирать»¹². В этих словах Мэн-Цзы слышатся требования феодального класса.

Мэн-Цзы интересовалась не столько технология, сколько этика управления. При этом собственные этические принципы Мэн-Цзы отбрасывал, когда речь заходила о практических вопросах, и становился прагматиком. Китайский мыслитель указывал:

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Там же. С. 133.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² Там же. С. 188.

Когда действуют, значит, кто-то побуждает к этому, когда прекращают действовать, значит, кто-то этому препятствует. Действие и его прекращение не являются чем-то таким, что могут люди производить сами по своему желанию. То, что я не встретился с правителем владения Лу, таково было действие Неба¹³.

Но тут же Мэн-Цзы указывает: «Нет такой беды и нет такого счастья, которых люди не создавали бы себе сами»¹⁴. Взгляды Мэн-Цзы представляют собой конфликт между религиозным детерминизмом и принципом абсолютной свободы воли.

Иногда Мэн-Цзы ставил мораль над практикой. Например:

Вэнь-гун, правитель владения Тэн, спросил Мэн-Цзы: «Поскольку мое владение Тэн маленькое, а расположено оно между крупными владениями Ци и Чу, служить ли мне Ци или служить Чу?» На это Мэн-Цзы ответил: «Дать совет по такому вопросу не по моим способностям. При безвыходном положении есть лишь одно решение: рыть рвы и укреплять городские стены. Если вы будете охранять свое владение вместе с народом, то можно добиться того, что он жизни не пожалеет и не покинет вас»¹⁵.

Сторонник стратагемного мышления в таком случае посоветовал бы вызвать конфликт между двумя сильнейшими противниками, и это был бы наиболее эффективный выход из положения. Однако Мэн-Цзы является сторонником прямого действия, рекомендуя укреплять моральное единство народа: «В военном деле благоприятное время, зависящее от Неба, уступает выгодам местности, а выгоды местности уступают согласию людей»¹⁶. Здесь же Мэн-Цзы указывает: «...поселяй народ, не прибегая к ограждению его прочными границами; укрепляй владение, не используя горы и бурные реки; возвеличивай мощь Поднебесной, не применяя преимуществ в оружии и доспехах»¹⁷. Впоследствии Г. Нельсон в своеобразной форме повторил слова Мэн-Цзы, сказав: «Сражаются не корабли, а люди».

¹³ Мэн-Цзы. Указ. соч. С. 43.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 41.

¹⁶ Там же. С. 59.

¹⁷ Там же.

К Мэн-Цзы, принципиально отвергавшему коварство и даже гибкость в политике, хорошо подходит замечание В. В. Малявина, высказанное им в книге «Китайская цивилизация». Известный китаевед отмечал веру древних китайцев в сердце, а не в технологию.

Само отношение Мэн-Цзы к внешней экспансии также противоречиво. С одной стороны, он отмсчает:

При осуществлении нелицеприятного образа правления любой правитель станет править как настоящий ван, не изменяя ни земельных границ, ни густоты населения, и никто не сможет воспротивиться ему¹⁸.

Но Мэн-Цзы вовсе не исключал объединения страны:

Больше содействия получает тот, кто обретает путь к истине, а кто теряет этот путь, тому меньше оказывают помощи. Пределом наименьшего оказания помощи является возмущение, проявляемое близкими, родными, а пределом наибольшего оказания помощи — покорное повиновение всей Поднебесной. Нападай же на то, против чего возмущаются твои близкие, родные, и действуй тем, что приводит в покорность всю Поднебесную¹⁹.

Важнейшим идеалом Мэн-Цзы было благосостояние народа:

Не нарушайте сроков полевых работ, и хлеба у вас будет не под силу съесть. Не закидывайте густых сетей в пруды и водоемы, тогда рыб и черепах тоже не под силу будет съесть. Ходите в лес с топорами и секирами в надлежащее время, и древесины у вас будет не под силу извести. Когда будет не в силах съесть хлеба, рыб и черепашек, когда будет не под силу извести древесину, тогда это и позволит народу не сетовать, как прокормить народившихся и как похоронить умерших. Если не будет таких сетований, тогда и наступит начало настоящего вановского пути в управлении народом²⁰.

Идеалом Мэн-Цзы является избавление простого человека от беспокойства за будущее. Он стремится привести человека к спокойному

¹⁸ Там же. С. 46.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Там же. С. 17.

бездумному существованию, при котором он не склонен будет думать о государственных делах: «Люди не заслуживают того, чтобы их порицали; управление не заслуживает того, чтобы его осуждали. Только большие люди могут определить неправоту в сердце правителя»²¹. Именно человек, не склонный к критическому мышлению, наслаждающийся многолетним спокойным однообразным трудом, был идеалом китайского мыслителя.

Мэн-Цзы при осуществлении внешней экспансии предполагал действовать моральными средствами:

Из тех, кто предполагал покорять людей одной лишь добротой, ещё не было способных покорить их. Можно покорить всю Поднебесную только после воспитания в людях чувства добра. Из достойных ванов-правителей еще не было таких, которые не покоряли бы сердца в Поднебесной²².

Закономерно возникает вопрос о методах воспитания. Мэн-Цзы указывает: «Люди потому обладают добродетельными качествами, смекалкой, мастерством и знанием, что постоянно пребывают в невзгодах и бедах»²³. Подобное замечание несомненно требует от правителя жестокости к народу, а повышение качества жизни по Мэн-Цзы неизбежно должно повести к падению нравов, то есть к тому, чего он желал менее всего.

Мэн-Цзы полагал, что человеку присущ врожденный нравственный инстинкт: «Нет людей, у которых было бы что-то недоброе, заложенное в них»²⁴. И далее: «Всем нам присуще обладать человечностью, справедливостью, учтивостью и разумностью, которые вовсе не вливаются в наше “я” откуда-то извне...»²⁵ Но в этом случае обязанность хорошего правителя перевоспитывать людей теряет всякий смысл, ибо они от природы хорошие. Эти идеи впоследствии стали достоянием французских просветителей. С другой стороны, Мэн-Цзы утверждает:

---

²¹ Мэн-Цзы. Указ. соч. С. 113.

²² Там же. С. 119.

²³ Там же. С. 190.

²⁴ Там же. С. 157.

²⁵ Там же. С. 161.

Когда на служебных постах будут находиться просвещенные, благоразумные люди, а служебные обязанности будут нести способные, толковые люди, тогда во владениях воцарится безмятежная, несуетная жизнь. С наступлением такого времени все правление и законы правителя настолько воссияют, что даже в соседних больших владениях правители будут уstraшены²⁶.

Воззрения Мэн-Цзы отличает прежде всего вера в существующую систему социальных отношений. Она непогрешима и не нуждается в исправлении. Все беды исходят от плохих правителей и чиновников. Качественное реформирование системы недопустимо, а возможно лишь возвращение к ее истинной сути: «Итак, управление на основе нелицеприятности к людям обязательно начинается с упорядочения земельных меж»²⁷. И далее: «Добропорядочный муж все возвращает к своей основе, и только». Как тут не вспомнить другого восточного мыслителя, провозгласившего: «Кадры решают все!»

Патриотизм в системе ценностей Мэн-Цзы отсутствует. Рекомендую правителю повысить качество жизни подданных и снизить налоги, китайский мыслитель советует: «Ван, не возводите вину на неурожайные годы. Вот тогда народы всей Поднебесной сами придут к вам»²⁸. Мэн-Цзы однозначно признавал право простых людей покинуть дурного правителя. Еще большие права он признавал за чиновниками правителя: «Если у государя случается большой проступок, они тогда усовещивают его. Когда, несмотря на все и всяческие уговоры, государь все же не слушает их, тогда они смещают его с престола»²⁹. Единственная верность, которую признавал Мэн-Цзы, это верность системе семейных отношений, основанной на верности родителям. Показательно, что наивысшим проявлением любви человека к родителям Мэн-Цзы считает создание собственной семьи. Долг сына перед отцом (предполагающий даже самопожертвование) призывал таким образом сына к созданию семьи, чтобы уже собственный сын отдавал ему долг верности. Культ родителей носил утилитарный характер

²⁶ Там же. С. 53.

²⁷ Там же. С. 78.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 155.

и обеспечивал выживание социума. Общество, проектируемое Мэн-Цзы, стремится не столько к развитию, сколько к выживанию.

Лучшим качеством чиновника Мэн-Цзы считал «нелицеприятность в отношении к людям и справедливость к ним...»³⁰. Одновременно, отстаивая интересы феодалов, он указывал: «Заниматься управлением нетрудно: не надо только гневить большие влиятельные дома»³¹. Учения, подобные созданному Мэн-Цзы, характерны для общества, находящегося на грани выживания, и имеют целью только выживание, но не развитие (несмотря на то, что Мэн-Цзы подчеркивал преобразовательную роль правителя). Любое общество на грани выживания неизбежно станет иерархическим и корпоративным, и такова возможная будущая судьба европейских обществ.

М. С. Каменских

МАОУ «Гимназия № 2», Пермь

Жизнь китайских студентов на Урале в 1950-е гг. по опубликованным письменным источникам и архивным документам Свердловской области*

Период 1950-х — середины 1960-х гг., известный как эпоха «большой дружбы» СССР и КНР, имел несколько важных социальных последствий в истории и повседневности этих двух стран.

СССР оказал Китаю беспрецедентную помощь в развитии промышленности. В общей сложности СССР предоставил КНР на льготных условиях кредиты на 1 млрд 816 млн руб. (по курсу рубля 1961 г.) и оказал техническое содействие в сооружении 200 крупных

---

³⁰ Мэн-Цзы. Указ. соч. С. 195.

³¹ Там же. С. 106.

* Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 14-11-59002 «Эпоха советско-китайской дружбы 1950–1964 годов в историко-культурном наследии Прикамья».